

ГЕГЕЛЬ И ВОСТОК

А.А. Александров

А.А. Александров, начальник управления внутренней политики администрации губернатора Свердловской области, доцент, кандидат философских наук

В рамках гегелевского творчества восточное сознание не являлось предметом больших самостоятельных произведений. Тем не менее, посвящая свои труды философии истории и истории философии, Гегель не мог обойти вниманием такую тему, как Восток.

Так, в «Философии истории» одну из глав произведения он называет «Магометанство» и посвящает анализу восточного сознания.

Гегель отмечает, что «в то время как ... европейский мир принимает новую форму, народы поселяются в нем, чтобы создать всесторонне развитый мир свободной действительности; они начинают свою деятельность с того, что определяют все отношения, как партикулярные и со смутным несвободным чувством обращают в множество случайных зависимостей то, что по природе своей должно быть всеобщим ... одним словом, в то время, как на Западе начинается господствовать случайность, сложные отношения и партикуляризм, — в мире должно было обнаружиться противоположное стремление к интегрированию целого, и это произошло в совершившейся на Востоке революции. Эта революция уничтожила всякий партикуляризм и всякую зависимость, а также просветила и вполне очистила душу, она сделала лишь абстрактно Единого абсолютным предметом»¹.

Гегель, таким образом, обращает внимание на то, что исторический вектор развития восточного сознания оказался во многом противоположен своему европейскому «аналогу». Восточное сознание акцентрированно ориентировано на поиск целостности и единства.

Эту целостность оно нашло в Аллахе. Причем восточное сознание оградило свою истину от всякого проникновения уничтожающего влияния эмпирии. Гегель обращает внимание на то, что «предмет поклонения магометан чисто интеллектуален, Аллаха нельзя ни изображать, ни представлять»². Тем самым высшее сущее восточного сознания вынесено из мира в некое совершенно иное пространство, где оно всегда сохраняет неизменность и неподверженность любым земным стихиям.

Гегель обращает внимание, что «магометанская

религия возникла у арабов; здесь дух совершенно прост, и здесь распространена склонность к бесформенному, потому что в этих пустынях нет ничего такого, что могло бы быть формируемо»³. Сама пространственная природа аравийских пустынь располагала к тому, чтобы религиозный идеал Востока сложился как в высшей степени абстрактный и отстраненный.

Все земное существование восточного сознания подчинено его религиозному идеалу. «Поклонение Единому есть единственная конечная цель магометанства, и содержанием деятельности для субъективности являются лишь это поклонение и намерение покорить Единому мирское»⁴, — указывает Гегель.

Жизнь данного сознания сопряжена с рисками, причем не только для него самого, но и для окружающих. Принципом данного сознания Гегель называет «la religion et la terreur»⁵ (религия и террор). Это сознание неизбежно «выплескивается» вовне, выплескивается в форме экспансии, в ходе которой оно стремится весь мир подчинить своему идеалу. Гегель приводит характерный исторический пример. Когда Омар уничтожил великую александрийскую библиотеку, он сказал: или в этих книгах содержится то же самое, что и в Коране, или их содержание оказывается иным; и в том, и в другом случае они излишни»⁶.

Гегель обращает внимание на то, что в восточном сознании индивидуальное и всеобщее не просто тесно связаны, а близки к тождеству. «В то время, как у европейцев существует множество отношений и они представляют собой комплекс сложнейших отношений, в магометанстве индивидуум оказывается лишь этим индивидуумом и притом в превосходной степени, жестоким — коварным, храбрым, великодушным в высшей степени»⁷. Включенность индивида в социальное действие осуществляется на повышенном уровне энергетики; индивид готов к реализации социальных целей, не отличает себя от социума, с которым он связан общей религией и целью.

В целом, отношение Гегеля к восточному сознанию было противоречивым. С одной стороны, он считал его застывшим в «покое и неподвижности»⁸, с другой стороны, в полной мере воспринимал в своей философии восточное стремление к интегративности и целостности. Фактически вся гегелевская философия выполнена как единая картина мира, в которой акцент сделан не на партикуляризм, а именно на целостный взгляд на природу мира. В данном гегелевском подходе, несомненно, сказались те идеи и уроки, которые философ воспринял в ходе изучения всемирной истории, в т.ч. истории восточного сознания.

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.8. Философия истории. М.-Л., 1935. С.335.

² Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.8. Философия истории. М.-Л., 1935. С.336.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.337.

⁶ См.: Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.8. Философия истории. М.-Л., 1935. С.338.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С.339.